

Сергей Е. Кузнецов

Итака, Нью Йорк, 8 ноября 1994 года

Е.Д.: Сегодня твой день рождения. Ну что ж, расскажи для начала о своих предках.

С.К.: Отец мой из крестьян. Его дед, то есть мой прадед, был богатый крестьянин. По семейной легенде, он вовремя умер - где-то в году восемнадцатом. Его старший сын был инженером – путейцем, а мой отец стал авиационным инженером. В годы войны он из Бауманского института перевелся в академию Жуковского. После того, как он ее закончил, он на фронте был в роли инженера аэродромного обслуживания, в боевых действиях не участвовал и остался в живых.

По линии своей мамы я знаю больше. Ее отец, то есть мой дед - на половину поляк – происходит из какой-то мелкопоместной семьи. Но поместье это было пропито моим прадедом еще до революции. Но может быть, и, слава Богу, что оно было пропито. Потому что, когда пришла революция, мой дед по крайней мере в этом был чист. Всю свою жизнь он проработал статистиком в министерстве внешней торговли, занимая достаточно скромные посты. Он был беспартийным и верующим. Но как-то уцелел. Он вышел на пенсию в 1955 году. А мать моей матери - моя бабушка - дочь священника.

Е.Д.: С какого возраста ты себя помнишь?

С.К.: Более или менее устойчиво я помню себя лет с семи, когда я пошел в школу.

Е.Д.: И ты был хорошим учеником?

С.К.: Лучше, чем мои дети.

Е.Д.: Расскажи про Вторую школу, про Вечернюю математическую школу.

С.К.: Я уж не знаю, каким образом, мои родители узнали о существовании Вечерней школы при Второй школе. Это был 1963 год. И вот очень издали, из района Динамо до нынешнего универмага Москва – это было больше часа пути, мы раз в неделю начали ездить в эту школу - большой компанией в сопровождении кого-то из родителей. Это был для меня новый мир. Абсолютно ничего похожего на то, что я видел у себя в школе. Это меня очень увлекло. И, как-то проявив себя, решая конкурсные задачи, заслужил то, что вы мне предложили перескочить через класс. Это надо было сделать, поскольку я был в седьмом, а во Вторую школу принимали только в девятый класс. Я должен был сдать все за восьмой класс. Мне пошли навстречу, хотя ряд преподавателей потребовали, чтобы я сдал экзамены по всем предметам, которые только существуют. Кто-то мне шел навстречу, кто-то устраивал полноценные экзамены. Об этих временах я сейчас вспоминаю, как, возможно, о самой счастливой поре своей жизни. Это было что-то такое, что никогда не может повториться.

Помню, как я поступил в университет – это было некое чудо, потому что я, сумев сдать экзамены по математике на две пятерки и воспользовавшись тем, что у

меня была медаль, поступил как бы без больших усилий. А ведь в тот год был двойной выпуск и полуторный только прием, конкурс был восемь человек на место. По письменной математике я имел пять. И было всего 50 пятерок на 750 принятых.

Е.Д.: А теперь расскажи, что ты помнишь из университетского времени.

С.К.: Помню ваш семинар. Первая работа печатная появилась именно на этом семинаре. И о научном ее значении я не питаю никаких иллюзий.

Е.Д.: Нужна спичка, чтобы зажечь факел, а потом он сам будет гореть. И это было опубликовано?

С.К.: Да, совместная заметка с Сережей Натанзоном появилась в Сибирском математическом журнале. И для меня и для него это была первая печатная работа.

Е.Д.: И это вас вдохновило?

С.К.: Еще бы! Насколько я помню, Сабир Гусейн-Заде сделал свою первую печатную работу, будучи еще вашим учеником во Второй школе.

Е.Д.: Ну, теперь скажи, что ты рассматриваешь как настоящее начало своей научной карьеры.

С.К.: Это, конечно, первый год работы в ЦЭМИ. Я пришел туда после окончания университета. Если бы не ваше приглашение в ЦЭМИ, я не знаю, как бы жизнь моя сложилась дальше. Помню, как вы вели семинар у себя дома, в маленькой уютной комнате, с такой крохотной доской величиной чуть больше телевизора.

Е.Д.: И кто там участвовал?

С.К.: Участвовали Сережа Пирогов, который в ЦЭМИ, правда, не работал, Игорь Евстигнеев, Миша Таксар. Да, еще Сережа Натанзон, который был в ЦЭМИ в аспирантуре. И вы прочитали нам небольшой курс по своей статье об эксцессивных функциях и включили в него кучу нерешенных задач. Я решил, что их надо посмотреть к очередному заседанию. И вдруг неожиданно одна проблема как бы поддалась. Это ведь так бывает, что какой-то решающий шаг придумывается в какой-то счастливый миг. А перед этим – ничего нет, и после может ничего не быть. И этот миг удалось поймать. Это было как раз построение Марковского процесса со случайными моментами рождения и гибели.

Е.Д.: *Kuznetsov measures*.

С.К.: Это название можно было бы и оспаривать. Исходный результат при ограничении, что полная мера конечна, это ваш. Мне удалось снять это ограничение. Именно это продвижение позволило охватить однородный случай.

Е.Д.: Правильно. И это наиболее важный случай, с которым все работают.

С.К.: В каком - то смысле эту свою работу я считал бы первой, хотя формально она оказывается третьей. (Мы с Игорем Евстигнеевым еще что-то соорудили в студенческие годы. Но того я не помню, а это помню.) Это, пожалуй, был решающий шаг для всей моей последующей научной жизни.

Е.Д.: А теперь может быть стоит рассказать о том трудном для вас времени, когда я эмигрировал. Помню, как ты меня провожал и Игорь Евстигнеев тоже. Думаю, вы перед этим ночь не спали.

С.К.: Это было бы преувеличением. Хотя я действительно, колебался.

Сперва я решил, что заранее попрощаюсь с вами, но потом подумал, что я этого себе не прощу, если не приеду в аэропорт. Это было 26-ого октября. Несколько раз после этого я ловил себя на том, что хочу снять трубку и позвонить вам.

Е.Д.: Ты мне писал – это было подвигом. Я храню твои открытки.

С.К.: Не бог весть, какой подвиг, хотя я попросил вас, и довольно скоро, писать мне на домашний адрес. Это было вот чем вызвано. Я помню, вы прислали препринт своей статьи, и в него была вложена бумажка, такая записка о том, как вы путешествовали и так далее. Порядок был такой: в институт почта приходит в иностранный отдел, ты приходишь, за нее расписываешься. Она уже вскрыта, как водится. Но на сей раз мне почту принесли. Марек Дубсон, окруженный толпой, принес мне ее, открыл конверт, достал эту записку и сказал: «Вот это все ты не читай, а читай сразу вот это». И показывал на последний абзац. И я понял, что то, что вы мне написали, читало я уж не знаю сколько людей. Читали люди, про которых я не хотел, чтобы они читали нашу с вами переписку. После этого я попросил вас писать мне на домашний адрес. И ваши письма очень аккуратно до меня доходили. Я даже посылал вам книги, я не скажу – долгое время, но некоторое время, до тех пор, пока не изменили порядок отправки книг за границу. На каждую отправляемую книгу нужно было получать разрешение от Ленинской библиотеки. Это уже как-то было больше, чем я в этот момент мог вынести. А, в общем, все было очень мило. Я печатал свои статьи в “Теории вероятностей”, которая не требовала акта экспертизы. Акт экспертизы мне никто бы не подписал, как я сейчас понимаю. А если я пытался печататься не в “Теории вероятностей”, то конечно, ссылаться на вас было невозможно. И был придуман такой обходной вариант. Я писал там такую фразу, что мы не претендуем на полноту библиографии, а полную библиографию смотри там-то. В “Теории вероятностей”, например. И все это было ничего до тех пор, пока не дошло до защиты докторской диссертации. Я защищался в Вильнюсском университете. В ЦЭМИ никакого совета по математике не было.

Е.Д.: В Москве был Розанов.

С.К.: Да. И Розанов в тот момент ко мне благоволил. И, кроме того, Розанов как бы мне задолжал, потому что я редактировал его книжку по Марковским случайным полям. Блюдя табель о рангах, я спросил Розанова совета о моей защите. И он мне предложил защищаться либо в Московском, либо в Киевском университете. Я этот совет пропустил мимо ушей, а послушал Ширяева, который мне сказал, что, что если хотите, мол, то пробуйте, но я вам не советую. Надо защищаться в Вильнюсе. Но проблема была в том, что мне надо было пройти предзащиту в родном своем институте и получить там акт экспертизы на диссертацию. Без этого акта мне бы никто не подписал протокол о предзащите. А еще надо было, чтобы все основные результаты были опубликованы.

Е.Д.: И ты не мог напечататься, скажем, в *Annals of Probability*...

С.К.: Не мог, конечно. Я напечатался вместо этого в ВИНТИ, в серии “Современные проблемы математики”. Но это издание требует акт экспертизы. А экспертная комиссия прекрасно знает фамилию Дынкин. Я подаю туда свои бумаги. Секретарь экспертной комиссии некая Нина Максимовна, даже фамилии я ее не помню, исполняла роль техническую. Формальный председатель комиссии в тот момент это был Шаркович. Короче говоря, комиссия мою книжку сперва

завернула. Но после каких-то полюбовных соглашений между собой они подписали акт экспертизы, потребовав, чтобы ссылки на ваши работы были вычеркнуты наполовину. Вместо ссылки «Дынкин; Успехи мат. наук; страницы такие-то», я должен был сослаться просто на «Успехи мат. наук, такие-то страницы», не упоминая ни автора, ни названия статьи. В таком виде акт экспертизы был подписан. Мне был вручен экземпляр, который оставался на хранение в экспертной комиссии, и я на каждой строчке, где произошло какое-то вычеркивание, расписался. То есть, они меня могли припереть. Я принес это в ВИНТИ, показал, сказал, что акт экспертизы мне подписали только на этих условиях. Они сказали, что это какая-то глупость: мы восстановим. Я ответил: «Пожалуйста. Я вам принес оригинальный список литературы, чтобы вам не мучиться». Они у меня взяли этот оригинальный список. Так книжка и вышла.

Спустя несколько месяцев я принес в ЦЭМИ диссертацию, и та же история повторилась с самого начала. Причем начальник первого отдела в это момент был где-то на отдыхе. И это было плохо, потому что Николай Николаевич Братченко, из полковников каких-то бывших, сочувствовал мне и никаких специальных гадостей не чинил. А замещал его человек, который всего боялся. Вся эта история повторилась на полную катушку. В предыдущей раз Братченко принял решение сам и разрешил подписать акт. На сей раз никто на себя решения брать не хотел. В эту историю влезли все, кому не лень – в том числе некий Маренич, тогдашний председатель месткома. И с подачи его (впрочем, может быть, я напраслину на него возвожу) история, обсуждавшаяся на самых разных этажах ЦЭМИ, в какой-то момент ушла из ЦЭМИ в ЦК. Как это произошло, я знаю со слов Айвазяна, который, я думаю, искренне мне тогда помогал. История обсуждалась в кулуарах какого-то партийного собрания. А на партийном собрании присутствует инструктор ЦК, который прикреплен от ЦК к институту. И вот в ходе обсуждения, кто-то, вроде бы Маренич, сказал, а почему бы не спросить мнение инструктора ЦК. Это был некий Иванов. И он сказал, что должен посоветоваться. Забрал диссертацию. Понятно, как он скажет, так и будет. И совершенно неожиданно, через неделю он вернул диссертацию с разрешением защищаться. Я был приглашен на заседание экспертной комиссии, услышал совершенно другие вещи, которые от них никогда раньше никто не слышал: официально можно сослаться на все, что есть в Ленинской библиотеке в открытом доступе. Вот вы, мол, проверьте, что это есть в открытом доступе, и сосылайтесь. Но все равно экземпляр диссертации у меня забрали, и еще заставили меня вычеркнуть вашу фамилию из преамбулы к диссертации.

Нелепо, но так было. Я не стал ничего проверять в Ленинской библиотеке, честно признаюсь.